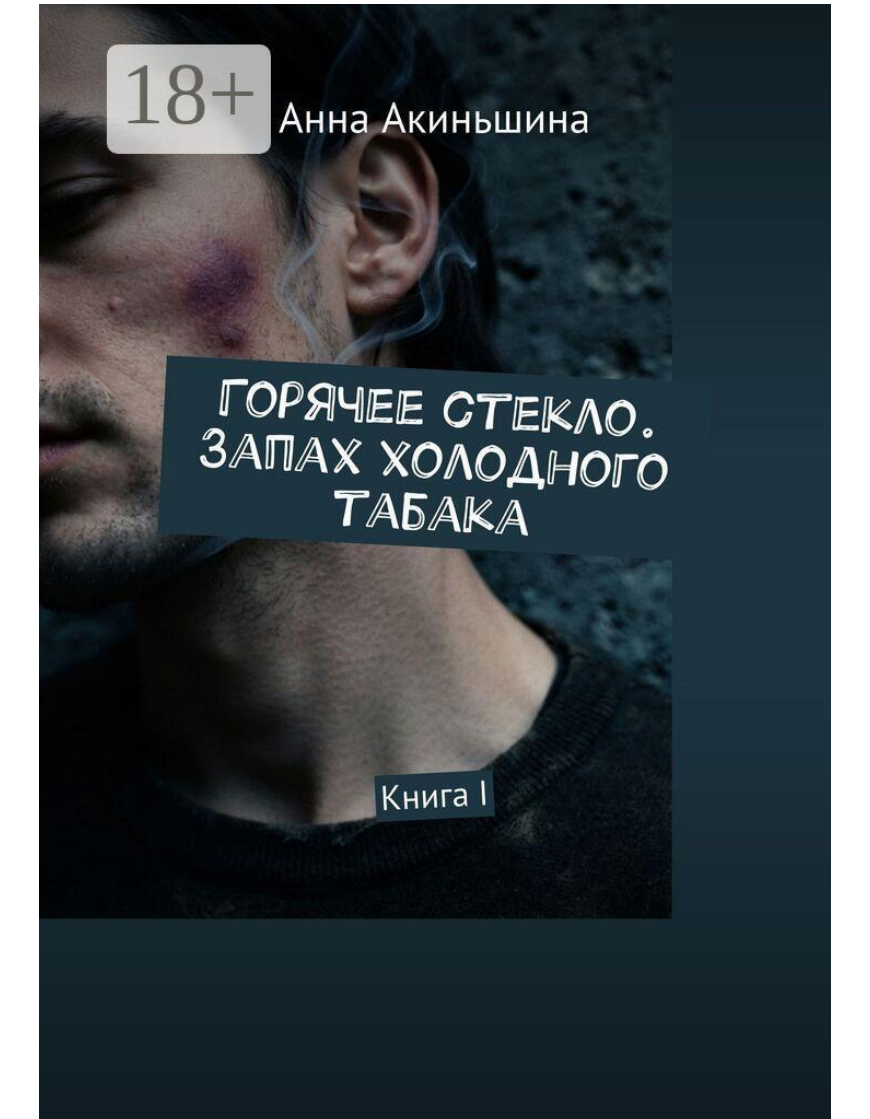

The background of the cover is a close-up photograph of a man's face. He has a dark beard and mustache. On his left cheek, there is a prominent, dark purple bruise. A wisp of white smoke is rising from his mouth, partially obscuring his eye and the right side of his face. He is wearing a dark, possibly black, crew-neck sweater. The overall mood is somber and mysterious.

18+

Анна Акиньшина

ГОРЯЧЕЕ СТЕКЛО.
ЗАПАХ ХОЛОДНОГО
ТАБАКА

Книга I

Анна Акиньшина
Горячее стекло. Запах
холодного табака. Книга I

<https://litres.ru/74374717>

ISBN 9785007103169

Аннотация

Яна чувствует запахи эмоций. Страх — известь, ложь — кислое молоко, спокойствие — холодный табак. В особняке парня своей подруги она находит тот самый запах. Но Давид — запретная территория: он груб, опасен и носит в себе слишком много боли. История о любви, которая начинается с вдоха.

Содержание

Пролог	5
Часть первая: Чужая территория. Глава 1. Пожар	8
Глава 2. Правила выживания	12
1	12
2	14
3	15
4	17
Глава 3. Куртка	21
1	21
2	23
Глава 4. До и после	28
1	28
2	31
3	35
4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Горячее стекло. Запах холодного табака Книга I

Анна Акиньшина

© Анна Акиньшина, 2026

ISBN 978-5-0071-0316-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Мне было семь, когда я узнала, что страх пахнет мокрой известью пополам с тухлыми яйцами. Не просто пахнет — он вгрызается в ноздри, оседает на языке горьковато-кислым налётом, от которого хочется плевать. Я сидела под столом в коридоре, прижимая колени к груди, и вдыхала его тонкой струйкой, пока он не забился в горле вязкой, удушливой пробкой. Мама кричала на кухне. Её крик тоже имел вкус — вкус лекарств из жёлтого пузырька, которые она прятала в ящике с бельём, и ещё чего-то солёного, похожего на слёзы, хотя плакала она или нет, я не видела. За стеной гремел телевизор — отец включил футбол на полную громкость, и этот звук, смешиваясь с криком и запахом, создавал такую какофонию, что мне казалось, будто моя голова сейчас лопнет, как перезрелый арбуз.

Я уже тогда знала, что мир устроен неправильно. Что люди вокруг меня постоянно врут, даже когда молчат. Что у каждой эмоции есть свой запах, свой вкус, свой цвет, и всё это обрушивается на меня одновременно, без спроса, без фильтров, как будто кто-то включил на полную мощность радио, телевизор и пылесос в одной комнате и ушёл, забыв выключить.

Врачи, к которым меня водили, пахли холодным железом и любопытством. Последнее было самым противным — лип-

ким, как сироп от кашля, и острым, как скальпель. Они говорили маме: «Девочка путает ощущения. Это пройдет с возрастом. Лёгкая форма синестезии, ничего серьёзного». А я сидела и нюхала их нетерпение — запах жжёной карамели, который говорил мне: им плевать. Они хотят, чтобы мы поскорее ушли и освободили кабинет для следующего пациента. И ещё я чувствовала мамин страх — мокрую известь и тухлые яйца, — и понимала, что она боится не за меня, а меня. Боится, что её дочь ненормальная.

В школе всё было ещё хуже. Дети — это ходячие генераторы эмоций, и они не умеют их скрывать. Зависть имела кисло-сладкий душок, как дешёвые леденцы, которые тайком сосут под партой. Радость пахла свежей выпечкой, но встречалась редко. А ложь, вездесущая ложь, пахла кислым молоком. Я чуяла её повсюду: от учительницы, которая говорила, что у неё не болит голова (болела, ещё как), от одноклассницы, которая клялась, что не брала мой пенал (брала, он до сих пор пах её руками), от мамы, которая уверяла, что всё хорошо (ничего не было хорошо).

Единственным человеком, чей запах приносил мне покой, был дедушка. Он жил в маленьком доме на окраине, и от него пахло деревом, лаком и холодным табаком. Не едким сигаретным дымом, а сухим, терпким ароматом нераскуренных листьев, которые он носил в холщовом мешочке в кармане своей вельветовой куртки. Этот запах был для меня как якорь в бушующем море чужих эмоций. Когда я сидела в

его мастерской и вдыхала этот аромат, мир вокруг затихал. Краски становились мягче, звуки — тише, и я могла просто быть собой, не заплёбываясь в чужой боли.

— Деда, а почему от тебя так пахнет? — спросила я однажды. Мне было десять, и я уже научилась формулировать то, что чувствую.

Он погладил меня по голове своей шершавой от опилок ладонью и улыбнулся. Его улыбка пахла тёплым хлебом.

— Это табак, внучка. Я его не курю — лёгкие берегу. Просто держу в кармане. Для аромата.

— Он пахнет, как... как когда всё хорошо.

— Значит, всё хорошо, Яна. Раз пахнет.

В четырнадцать я поняла, что любовь будет пахнуть именно так. Холодным табаком. Потому что любовь — это когда всё хорошо. Когда тебя принимают такой, какая ты есть, со всеми твоими неправильными, пугающими странностями. Дедушка умер, когда мне было пятнадцать, и я запомнила этот день не по дате в календаре, а по запаху. От гроба пахло деревом и формалином, от мамы — горем, мокрой шерстью, от отца — пивом и виной. И нигде, ни в одном уголке кладбища, не было холодного табака. В тот день я поняла, что дом — это не место. Дом — это человек. И если я когда-нибудь встречу того, от кого пахнет так же, я его не отпущу. Ни за что.

В девятнадцать я встретила Давида Аверина и вдохнула его целиком.

Часть первая: Чужая территория. Глава 1. Пожар

Огонь начался не с дыма. Он начался с запаха.

Я проснулась за три минуты до того, как заорала сигнализация, от резкого, едкого аромата горелой резины, который ворвался в мои лёгкие, как ледяная вода. В общежитии было тепло, но меня пробрал озноб — тот самый, что случается, когда нос чует беду раньше, чем мозг успевает её осознать. Я села на кровати и первым делом посмотрела на соседку. Таня спала, уткнувшись в подушку, одной рукой прижимая к груди плюшевого зайца с оторванным ухом. От её постели несло дешёвым лавандовым кондиционером, спиртом и ещё кое-чем — тонкой, едва заметной ноткой кислого молока. Ложь. И что-то новое, острое и сладкое, как смесь корицы и бензина. Предвкушение. Мой нос запомнил это, хотя тогда я не придавала значения.

— Таня, вставай! Пожар!

Она заворочалась, что-то промычала. Я тряхнула её сильнее, и её кожа оказалась липкой и холодной, как подтаявший желатин. Наконец, она разлепила глаза и уставилась на потолок, по которому расплзлось серое облако дыма. И закричала. Это был не просто крик испуга, а крик узнавания, от которого у меня мурашки побежали по спине.

В коридоре творился хаос. Студенты в пижамах, халатах, а кто и в нижнем белье, выскакивали из комнат, сталкиваясь друг с другом. Девушка с филфака, Марина, бежала босиком, прижимая к груди томик Бродского, и от неё волнами расходился запах паники — смесь аммиака и чего-то металлического, как кровь. Парень с физмата тащил аквариум с золотой рыбкой, и рыбка металась в мутной воде, пахнувшая тиной и ужасом. «Куда с аквариумом, идиот!» — крикнул кто-то. «Она член семьи!» — огрызнулся он.

Я тащила Таню за руку, пробиваясь сквозь толпу, и вдруг увидела Кирилла. Он стоял на лестничной площадке, прижимая к груди ноутбук и странный самодельный прибор с мигающей красной лампочкой. От прибора разило горелым пластиком и электричеством — тем самым запахом, с которого всё началось.

— Кирилл, что это? — крикнула я.

— Зарядное устройство! Экспериментальное! — Его голос дрожал, и от него шёл такой густой запах лжи и паники, что меня замутило. Но толпа понесла меня дальше, и я потеряла его из виду.

На улице, под ноябрьским дождём, я смотрела, как горит четвёртый этаж. Оранжевые языки пламени пожирали мою комнату, мои эскизы, мой дневник, в который я годами записывала расшифровки запахов, мою единственную фотографию дедушки. Всё это превращалось в пепел, и воздух наполнился горьким, пустым запахом потери. К горлу подсту-

пил ком, но я не заплакала. Слишком много было вокруг чужой боли.

В кармане завибрировал телефон. Лера.

«Срочно приезжай. Давид разрешил. Адрес скину».

Лера — моя лучшая подруга, с которой мы познакомились в очереди в столовой. Она тогда подошла ко мне, яркая, как осенний лист, и сказала: «У тебя лицо человека, который ненавидит запах тушёной капусты. Я тоже. Давай дружить?» От неё пахло апельсиновой цедрой и беспечностью. Рядом с ней мой дар почти не причинял боли.

Она постоянно рассказывала о своём парне, Давиде Аверине — наследнике строительной империи, мажоре, который дерётся в подпольных клубах и никогда не просит прощения. Я слушала вполуха, думая, что никогда не влюблюсь в такого. От таких, как он, за версту несёт проблемами.

Такси остановилось у кованых ворот. Особняк вырос из темноты, как ледяной дворец: стекло, бетон, сталь, холодная подсветка. Лера выскочила на крыльцо босиком, в шёлковом халате, и потащила меня в дом, таратора о том, что Давид на тренировке и мы одни. Я шагнула через порог, стянула мокрую куртку...

И замерла.

В доме пахло холодным табаком. Не едким дымом, а тем самым сухим, терпким ароматом из дедушкиной мастерской. Запахом спокойствия. Запахом дома. Он заполнял всё пространство, проникал под кожу, и у меня подкосились но-

ги.

— Это что за чудо? — раздался голос, и я увидела его. Он стоял в проёме, высокий, с мокрыми после душа волосами и холодным, оценивающим взглядом. От него пахло потом, дорогим гелем для душа и... да, холодным табаком.

— Давид, это Яна. Я тебе говорила. Пожар в общежитии, — щебетала Лера.

Он прошёл мимо, нарочно задев меня плечом, и мой мир взорвался. Его прикосновение обожгло, и в меня хлынул поток его боли: одиночество, вязкое, как нефть, детские крики, чья-то жестокость, и глубокая, застарелая тоска. Я закашлялась, пошатнулась, и Лера испуганно подхватила меня под локоть.

В этот момент я поняла три вещи. Он — тот, кого я искала всю жизнь, от него пахнет домом. Он — парень моей лучшей подруги. И его боль сильнее моей в десятки раз, и мой проклятый дар не позволит мне просто пройти мимо. Я должна помочь, даже если он сам этого не хочет. Даже если это разрушит нас обоих.

Глава 2. Правила выживания

1

Первую ночь в особняке я не спала. Гостиная спальня, куда меня определила Лера, была похожа на номер в дорогом отеле: белоснежное постельное бельё, пахнущее лавандой и крахмалом, письменный стол у окна, пушистый ковёр, в котором утопали босые ноги. На стенах — ни одной картины, только идеально ровная покраска цвета топлёного молока. Минимализм, доведённый до абсолюта. Здесь не было ни пылинки, ни случайной вещи, ни единого намёка на то, что в этой комнате когда-то кто-то жил.

Я лежала на спине, глядя в потолок, и прижимала к носу воротник куртки МЧС — единственной вещи, которая связывала меня с моей прежней жизнью. Куртка пахла собачьей шерстью, дождём и чужим несчастьем. Этот запах был резким, грубым, но он перебивал тот, другой, что просачивался сквозь стены и щели, как невидимый газ. Холодный табак. Запах дома. Запах человека, который только что прошёл мимо меня, задев плечом, и одним этим прикосновением перевернул мою душу.

Я закрывала глаза — и передо мной снова вспыхивали картины, которые я увидела в момент контакта. Мальчик с

разбитыми костяшками, которого отец заставляет бить грушу до крови. Подросток, застывший у гроба матери и не проронивший ни слезинки. Юноша, чью первую любовь предали и выставили на посмешище. И взрослый мужчина, который дерётся в подпольных клубах, чтобы хоть что-то почувствовать, и не чувствует ничего.

Его боль была такой густой, такой концентрированной, что я до сих пор ощущала её на языке — горький, металлический привкус, как от раздавленной таблетки. Я пыталась отвлечься, перебирая в уме знакомые запахи: мокрая известь — страх, кислое молоко — ложь, жжёная карамель — нетерпение. Но всё это было сейчас далеко, а здесь, рядом, был только он. Его запах пропитывал весь дом, и я не могла от него отгородиться.

Сквозь стену доносились шаги. Он тоже не спал. Я слышала, как скрипнула его кровать, как он прошёл в душ, как вода шумела долго, минут двадцать, не меньше. Я лежала и думала: что он пытается смыть? Усталость? Кровь после тренировки? Или, может быть, стыд за то, что был груб со мной? Последнее было маловероятно — такие, как он, редко испытывают стыд. Скорее всего, он просто стоял под горячей водой и ни о чём не думал.

Утром я разработала план выживания. Это была моя старая привычка: в любой стрессовой ситуации я составляла список правил. Правила давали иллюзию контроля, а контроль был мне необходим, чтобы не сойти с ума. Я села за стол, достала блокнот — один из немногих, уцелевших при пожаре, — и записала:

— Выходить из комнаты только тогда, когда его нет дома (после девяти утра).

— Ужинать после десяти вечера (когда он уже наверху).

— Изучить расписание его тренировок и избегать его в эти дни.

— Не пересекаться с ним в коридорах, на кухне, в гостиной.

— Не смотреть на него.

— Не думать о нём.

Последний пункт был самым трудным. Я перечитала его, вздохнула и обвела несколько раз, как будто это могло помочь. Потом закрыла блокнот и спустилась на кухню на разведку.

Первые три дня мой план работал безупречно. Я просыпалась в пять тридцать, пока весь дом ещё спал, принимала душ в крошечной ванной при гостевой спальне (мыло пахло лавандой — той самой, которую я учуяла в его воспоминаниях о матери), и спускалась на кухню. Кухня была огромной, с мраморными столешницами, блестящей кофемашиной и холодильником, набитым контейнерами с едой, подписанными аккуратным почерком домработницы.

Саму домработницу я ни разу не видела — она приходила рано утром, оставляла всё в холодильнике и исчезала, как призрак. Но её еда была потрясающей — и не только по вкусу. В ней не было эмоций. Вообще. Никаких. Я брала контейнер с овсянкой, разогревала, ела — и чувствовала только овсянку, ягоды и миндальное молоко. Никакой тревоги, никакой усталости, никакой злости. Домработница была, кажется, самым уравновешенным человеком на свете. Я даже немного завидовала её способности готовить с таким покоем.

В девять утра Давид уезжал. Я слышала, как хлопает входная дверь, и только после этого позволяла себе выдохнуть и выйти из комнаты. Потом я уходила в университет, сидела на лекциях, рисовала эскизы, делала вид, что слушаю преподавателей. На самом деле я думала только об одном: как

долго я смогу прожить в одном доме с человеком, чей запах сводит меня с ума, и не сорваться?

Вечерами я возвращалась, когда Давида ещё не было, за-пиралась в своей комнате и ждала. Лера иногда заходила — приносила чай, болтала о пустяках, звала смотреть кино. Я отказывалась под предлогом учёбы. На самом деле я боялась столкнуться с ним в гостиной.

На четвёртый день всё пошло к чёрту. Я проснулась в три ночи от запаха. Железо и соль. Кровь. Я села на кровати и принялась. Запах тянулся с первого этажа. Кровь, спирт, йод. И — холодный табак.

Кто-то ранен. И этот кто-то — Давид.

Я накинула халат и выскользнула в коридор. В доме было тихо, только ночники отбрасывали мягкий свет на мраморные ступени. Я спускалась, стараясь не скрипеть половицами. Чем ближе к кухне, тем сильнее становился запах. Кровь, спирт, йод. И холодный табак — густой, обволакивающий, живой.

На кухне горел свет. Я остановилась на пороге и замерла. Давид сидел за столом, низко опустив голову. Свет лампы падал на его обнажённую спину, и я увидела то, от чего у меня перехватило дыхание. Вся спина была в синяках — старых, жёлто-зелёных, и свежих, багрово-красных. Лопатки выступали острыми углами. По позвоночнику тянулась длинная царапина. Костяшки правой руки были разбиты в мясо. На столе — аптечка, бинты, йод, вата, бутылка виски. Он пытался обработать рану на левом предплечье, но левой рукой это было неудобно.

— Я же сказал: не шастать по ночам, — произнёс он, не поднимая головы.

Я вздрогнула. Как он узнал? Я же ступала бесшумно.

— У тебя шаги громкие, — ответил он на мой невысказанный вопрос. — Ты топаешь, как слон. И дышишь как паровоз. Я слышал тебя с третьей ступеньки.

— Я думала, что ступаю бесшумно.

— Ты ошибалась. — Он наконец поднял голову и посмотрел на меня. Один глаз был припухшим, на скуле красовался свежий кровоподтёк. — Что ты здесь делаешь в три ночи?

— Я слышала запах. Кровь. И спирт.

— Запах? — Он приподнял бровь. — Ты учуяла кровь через два этажа?

— У меня хорошее обоняние.

— Это ненормальное обоняние. — Он хмыкнул. — Раз пришла, помоги. Лера спит как убитая и крови боится. А мне одной рукой неудобно.

Я села рядом и взяла его ладонь. Контакт — и снова волна, но теперь мягче. Усталость, злость, тоска. И под всем этим — тёплый, живой пульс холодного табака.

Я обрабатывала рану молча. Его кожа была горячее, шершавой. Я чувствовала каждую мозоль, каждый шрам. Мои пальцы дрожали, но он принял это за брезгливость.

— Боишься крови? — спросил он.

— Нет. Боюсь того, кто тебя так отделал.

Он усмехнулся:

— Его уже нет. Я его отделал сильнее.

— Где ты был? На ринге?

Он напрягся:

— Откуда ты знаешь?

— Догадалась. У тебя синяки профессиональные. Ты бьёшься в подпольном клубе.

— Ты слишком умная для своего возраста.

— Я просто наблюдательная. — Я закончила перевязку и хотела убрать руки, но он перехватил мое запястье. Крепко.

— Ты странная, Яна. Ты смотришь на меня так, будто знаешь что-то, чего не говорят вслух.

— Может, и знаю.

— И что же ты знаешь?

— Я знаю, что тебе больно. Не здесь. — Я коснулась его груди, там, где сердце. — Здесь. Я знаю, что ты дерёшься не ради денег. Ты дерёшься, чтобы заглушить пустоту. И я знаю, что ты одинок. Так же, как я.

Он замер. Его лицо изменилось — всего на секунду, но я увидела. Под маской холодного, циничного мажора мелькнуло что-то беззащитное.

— Не смотри так больше, — сказал он, отпуская меня. — Никогда.

Он встал и вышел. Я осталась одна на кухне с запахом крови, виски и холодного табака. И поняла: «переждать» не получится. Я не смогу прятаться вечно. Я не смогу делать вид, что его не существует. Этот человек вошёл в мою жизнь, как нож в масло, — легко и безжалостно.

И я знала, что не уеду. Не важно, что он говорит. Не важ-

но, чем это кончится. Я должна быть рядом.

Потому что он — мой ориентир. Мой якорь. Мой дом.

Глава 3. Куртка

1

Прошло две недели.

Две недели — это не так уж много, если мерить их календарными листками. Но для меня каждая из этих трёхсот тридцати шести часов была наполнена до краёв. Я жила в доме, пропитанном запахом человека, которого не могла иметь, и каждую минуту помнила об этом. Мои правила выживания, записанные в блокноте, превратились в своеобразный ритуал: проснуться в пять тридцать, принять душ, спуститься на кухню до того, как он проснётся. Завтракать в одиночестве, наслаждаясь безэмоциональной едой домработницы. Исчезать в университете на целый день. Возвращаться поздно, запираться в комнате и делать вид, что меня не существует.

Но были моменты, когда правила давали сбой. Например, когда я случайно сталкивалась с ним в коридоре и наши взгляды пересекались на долю секунды. Или когда я слышала его шаги за стеной и понимала, что он снова не спит. Или когда я ловила запах холодного табака, просачивающийся сквозь вентиляцию, и моё сердце начинало биться быстрее, а руки сами тянулись к двери, чтобы выйти и пойти на этот

запах, как идут на свет маяка.

Я изучила его привычки до мелочей. Знала, что он пьёт кофе без сахара, из одной и той же кружки с трещиной — подарок матери, неприкосновенная вещь. Знала, что по средам он возвращается злой, и от него пахнет яростью — острым, металлическим запахом, как от разогретого оружия. Знала, что по субботам он «никакой» — сидит в гостиной, глядя в одну точку, и не реагирует на Лерины попытки его растормошить. Знала расписание его подпольных боёв — вторник и четверг, — хотя он никогда не говорил об этом вслух. Просто я сопоставила дни недели с его синяками и сделала выводы.

Я знала, что не должна думать о нём. Но думала. И чем больше я о нём думала, тем сильнее меня тянуло нарушить свои собственные правила.

Всё случилось в пятницу. Лера уехала к родителям на все выходные, оставив нас вдвоём. Она не знала, что делает, — для неё это был просто визит к родным, возможность понежиться в бане и посплетничать с матерью. Для меня это было испытание. Остаться наедине с Давидом в огромном пустом доме, где каждый скрип половицы звучит как выстрел, а каждый случайный взгляд обжигает.

Днём я была в университете, потом задержалась в библиотеке, пытаясь оттянуть момент возвращения. Но к восьми вечера библиотека закрылась, и мне ничего не оставалось, как ехать домой. В особняке было тихо и темно. Я решила, что Давид ещё не вернулся со своей загадочной тренировки, и позволила себе расслабиться. Спустилась в гостиную в пижамных шортах и старой футболке, включила какой-то старый фильм — «Завтрак у Тиффани» с Одри Хепбёрн — и устроилась на диване с пледом и чашкой чая.

В кои-то веки я чувствовала себя почти нормальной. Почти счастливой. Запах холодного табака здесь был слабее, приглушённый расстоянием и запахом камина. Я даже задремала на середине фильма — сказала усталость последних дней.

Проснулась я от того, что замёрзла. Фильм давно закончился, телевизор показывал заставку. Я потянулась, зевнула

и решила пойти на кухню за добавкой чая. Проходя через холл, я замерла.

На вешалке у двери висела его куртка. Чёрная кожаная косуха, потёртая на локтях, с серебряной молнией и металлическими клёпками. Я видела её сотню раз, но никогда — так близко. И никогда — когда рядом никого не было.

Я знала, что не должна. Знала, что это нарушение всех мыслимых правил. Но куртка висела так маняще, что я не могла отвести взгляд. Она пахла им даже на расстоянии — холодный табак, кожа, немного бензина (наверное, от мотоцикла). Я сделала шаг. Ещё один. Протянула руку и коснулась рукава.

Шерстяной подклад был мягким и тёплым. Он носил её сегодня — я чувствовала остаточное тепло его тела. Я закрыла глаза и прижалась лицом к воротнику.

И мир провалился в сенсорный ад.

Это было полное погружение. Я не просто видела картинки — я проживала его жизнь. Я была мальчиком, которого отец заставляет бить грушу до крови, и чувствовала его отчаяние, смешанное с желанием заслужить любовь. Я была подростком, который стоит у гроба матери и не может заплакать, потому что «мужики не плачут». Я была юношей, чью первую любовь предали и выставили на посмешище. Я была мужчиной, который дерётся в подпольном клубе, чтобы хоть что-то почувствовать, и не чувствует ничего.

Я осела на пол, вцепившись в куртку. По лицу текли слё-

зы, и я не могла их остановить.

— Я же сказал: не трогать мои вещи.

Он стоял в дверях гостиной и смотрел на меня. Вернулся раньше. Видел всё.

Я не могла говорить. Просто смотрела на него, прижимая к лицу его куртку, и плакала. Он подошёл, присел на корточки, стёр большим пальцем слезу с моей щеки. Его прикосновение обожгло.

— Кто ты такая, Яна?

— Я чувствую запахи эмоций. Это синестезия. Я касаюсь вещей — и вижу прошлое. Ты... ты пахнешь домом. Спокойствием. Я искала этот запах всю жизнь.

Он долго молчал. Потом взял мою руку и переплёл наши пальцы.

— Если ты чувствуешь мою боль, ты знаешь: я не хороший человек. Я разрушаю всё, к чему прикасаюсь. Но когда ты рядом — во мне что-то просыпается. Поэтому ты должна уехать. Завтра же.

— Давид...

— Уезжай, Яна. Пока я не сломал и тебя тоже.

Он встал и ушёл. Я осталась на полу с его курткой, и запах холодного табака душил меня, как подушка.

Утром я не уехала. Я сказала Лере, что нашла подработку и поживу ещё немного. А Давид... Давид сделал вид, что меня не существует. Но я ловила его взгляды — короткие, жгучие, — и знала: он чувствует то же, что и я. Мы стали

ближе — эмоционально, не физически. Разговаривали, когда Лера не видела. Сидели вместе в гостиной, смотрели кино. Он рассказывал мне о матери, о чувстве вины, которое грызло его годами. Я рассказала о дедушке, о своём даре.

Это были самые счастливые дни в моей жизни. И самые страшные. Потому что я знала: Лера не будет вечно оставаться в неведении. И когда она узнала, всё рухнуло. Поддельный тест на беременность, скандал, мой уход. Его признание в любви в ангаре, под рёв толпы и запах крови. Больница, расследование, покушение. Наша свадьба в старой усадьбе, рождение сына, наш дом с яблоневым садом. Лондонский проект, возвращение, открытие центра «Табак и Медь». Вся наша жизнь, уместившаяся в несколько лет. И всё это началось с того самого запаха — холодного табака, который я вдохнула в тот ноябрьский вечер.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что каждое испытание было не случайным. Мой дар, который я считала проклятием, стал инструментом. Его боль, которую он прятал за маской льда, стала нашей общей силой. И наш сын, унаследовавший мою синестезию, растёт в мире, где его понимают и принимают. Где он знает, как пахнет дом.

Холодный табак и нагретая медь — два запаха, которые навсегда связали нас. Два аромата, которые стали фундаментом нашей семьи. И когда я смотрю на Давида, сидящего на террасе с Сашей на коленях, я чувствую не только эти два запаха. Я чувствую третий — тот, что рождается из их со-

четания. Запах нашего общего будущего. Запах бесконечности. Запах любви.

Глава 4. До и после

1

Я не уехала. На следующее утро после того, как Давид застал меня с его курткой, я проснулась с твёрдым решением: я останусь. Не потому что мне некуда идти — хотя это было правдой. Не потому что Лера была моей единственной подругой — хотя и это было правдой. А потому что я не могла уйти. Не могла оставить его. Этот человек, грубый, холодный, с разбитыми костяшками и пустотой внутри, нуждался в помощи. И пусть он сам этого не понимал, пусть он отталкивал меня, пусть он был парнем моей лучшей подруги — я должна была остаться.

Я лежала в постели и смотрела на рассвет за окном. Солнце вставало медленно, нехотя, как будто тоже не хотело начинать этот день. Небо было серым, типично ноябрьским, с низкими облаками, которые обещали дождь или мокрый снег. Я куталась в одеяло и прокручивала в голове вчерашний разговор.

«Уезжай, Яна. Пока я не сломал и тебя тоже».

Он говорил это с болью. Я слышала её в его голосе — ту самую боль, которую почувствовала при первом прикосновении. Он не хотел меня прогонять. Он боялся. Боялся, что

разрушит меня так же, как разрушал всё остальное в своей жизни. Боялся, что я увижу слишком много. Боялся, что я узнаю его настоящего — и отвернусь.

Но я уже видела его настоящего. Я видела мальчика, который хотел, чтобы отец обнял его. Подростка, который не мог плакать. Юношу, которого предали. Мужчину, который наказывает себя за то, чего не совершал. Я видела всё это — и не отвернулась. Я осталась.

И сегодня я снова останусь.

За завтраком я сказала Лере:

— Я нашла подработку. В кофейне рядом с универом. Если ты не против, я поживу ещё пару недель, пока не накоплю на съёмное жильё.

Лера, которая как раз намазывала тост авокадо, радостно хлопала в ладоши. Авокадо полетело на стол.

— Конечно, не против! Живи сколько хочешь. У нас дом огромный, места полно. Давид вообще тебя не замечает. Ты же видела, он вечно в себе.

Я чуть не поперхнулась чаем. «Не замечает». Если бы она знала, как он меня «замечает». Как его пальцы стирали слезу с моей щеки. Как его голос дрогнул, когда он сказал: «Когда ты рядом, во мне что-то просыпается». Как он смотрел на меня, когда думал, что никто не видит.

— Спасибо, — выдавила я, откашливаясь. — Я постараюсь не мешать.

— Ты не мешаешь! — Лера весело откусила тост. — Мне с

тобой даже веселее. Давид всё время молчит, а с тобой можно поболтать. Ты, кстати, сегодня вечером свободна? Хотела позвать тебя посмотреть кино. Какую-то новую мелодраму, говорят, душещипательная.

— Сегодня не могу. У меня курсовой проект горит.

— Ну вот, вечно ты со своим проектом! — Лера надула губы, но тут же переключилась на телефон, который звякнул уведомлением. — Ой, это косметолог. Всё, я побежала. У меня запись через час.

Она убежала наверх — переодеваться. Я осталась на кухне одна, допивая чай и глядя в окно. За стеклом ноябрьский дождь превратился в первый снег. Крупные белые хлопья падали на мокрый асфальт и таяли, не долетая. Я смотрела на них и думала: я остаюсь. Господи, во что я ввязываюсь?

С того дня Давид стал избегать меня ещё старательнее. Раньше он хотя бы иногда появлялся на кухне, когда я там ела. Проходил мимо, не глядя, наливал себе кофе в свою тёмно-синюю кружку (ту самую, с трещиной, которую нельзя было трогать) и исчезал наверху. Теперь он вообще не заходил на кухню, если я была дома. У него, видимо, была кофемашина в кабинете на третьем этаже — или, может быть, он просто перестал пить кофе по утрам, чтобы не сталкиваться со мной.

В гостиную он тоже не спускался. Если я смотрела кино на огромном экране (а после того случая я перестала прятаться в комнате и начала пользоваться общими зонами — в конце концов, Лера сама приглашала), он не появлялся. Если я сидела с книгой в холле, он проходил мимо, глядя в телефон, и не здоровался. Если я выходила в сад подышать воздухом, он оставался внутри.

Мы существовали в параллельных плоскостях. Но воздух между нами был натянут, как струна. Я чувствовала это кожей — электричество, которое потрескивало каждый раз, когда мы случайно пересекались. И я знала: он чувствует то же самое. Потому что его плечи напрягались, когда я входила в комнату. Потому что его голос становился резче, когда он обращался к Лере в моём присутствии. Потому что он ни

разу, ни единого раза не посмотрел на меня после той ночи в холле.

Он боялся. Не меня — себя. Того, что между нами происходило. Того, что он называл «просыпающимся теплом». Того, что я называла холодным табаком. Мы оба чувствовали это притяжение — и оба делали вид, что его не существует. Но оно существовало. Оно росло с каждым днём, с каждым случайным взглядом, с каждым невысказанным словом.

Я тоже боялась. Но страх — это такая странная штука: он может парализовать, а может подстёгивать. Меня он подстёгивал. Я хотела понять, что скрывается под его маской. Хотела узнать, почему мальчик, которого отец заставлял бить грушу до крови, вырос в человека, который не умеет чувствовать. Хотела помочь ему — даже если он не просил о помощи.

Лера ничего не замечала. Она жила в своём розовом пузыре, где все её любят, а проблемы решаются новой помадой, постом в социальной сети и походом к косметологу. Иногда я смотрела на неё и думала: за что ей всё это? Богатые родители, красивое лицо, идеальная фигура, парень, от которого у всех сносит крышу. Она никогда не знала, что такое нужда. Никогда не чувствовала запах страха или лжи. Никогда не просыпалась в три ночи от того, что где-то рядом пахнет кровью.

Но иногда я ловила на себе её взгляды. Станные, изучающие. Как будто она что-то подозревала, но не могла сфор-

мулировать. Как будто её женская интуиция — тот самый орган чувств, который не купишь за деньги, — пыталась ей что-то сказать, но она не слушала.

— Ты какая-то задумчивая в последнее время, — сказала она однажды, когда мы вместе обедали на кухне (редкий момент, когда Давида не было дома). — Что-то случилось?

— Ничего. Просто учёба.

— Учёба? — Она подняла бровь. — Ты всегда говоришь «учёба». Но я же вижу: ты места себе не находишь. Ходишь как в воду опущенная. Это из-за пожара?

— Наверное. — Я ухватилась за эту версию. — Все мои работы сгорели. Приходится начинать с нуля.

— Бедная. — Лера погладила меня по руке. Её прикосновение было лёгким, почти невесомым, но я всё равно почувствовала запах её эмоций. Апельсиновая цедра — беспечность. Но к ней примешивалось что-то ещё. Сладковатое, приторное. Ревность? Она ревновала? Но к кому? Ко мне и Давиду? Или просто к тому, что я занимала её место в доме?

— Всё наладится, — сказала я. — Просто нужно время.

— Конечно, наладится. — Она убрала руку и вернулась к своему салату. — Кстати, о времени. Ты не знаешь, где Давид? Он вчера вернулся поздно и даже не зашёл ко мне.

— Я не знаю. Я рано легла.

— Странно. Обычно он хотя бы заглядывает. А теперь как будто избегает меня.

Я промолчала. Потому что правда была в том, что он из-

бегал не её — он избегал меня. Но сказать это вслух я не могла.

Однажды вечером, когда Лера уехала на какой-то благотворительный ужин со своими родителями, я осталась одна. Давид, по моим расчётам, должен был быть на тренировке — был четверг, его «вечерний день». Я решила воспользоваться моментом и наконец-то нормально поужинать на кухне, а не прятаться с тарелкой в комнате.

Я спустилась вниз. В доме было тихо и пусто. Я включила свет на кухне, достала из холодильника контейнер с лазаньей, разогрела. Налила себе бокал сока. Села за стол и начала есть, глядя в окно. За окном снова шёл снег — на этот раз настоящий, декабрьский, который обещал остаться надолго.

Я так погрузилась в свои мысли, что не услышала шагов. И когда дверь кухни открылась, я вздрогнула и чуть не подавилась.

На пороге стоял Давид.

Он был в спортивных штанах и мятой футболке. Волосы растрёпаны, на лице — ни следа тренировки. Никаких синяков, никакой крови. Он не был на тренировке. Он был дома. Всё это время.

— Ты не на тренировке, — вырвалось у меня.

— Отменили. — Он прошёл к кофемашине, не глядя на меня. — Тренер заболел.

Я смотрела, как он наливает себе кофе. Его движения бы-

ли скованными, напряжёнными. Он старался не смотреть в мою сторону.

— Ты избегаешь меня, — сказала я.

Он замер. Чашка зависла в воздухе.

— Я не избегаю.

— Избегаешь. Ты не заходишь на кухню, когда я здесь. Ты не спускаешься в гостиную. Ты даже не здороваешься.

— А что ты хочешь, чтобы я делал? — Он наконец повернулся ко мне. В его глазах была смесь злости и отчаяния. — Хочешь, чтобы я притворялся, что всё нормально? Что между нами ничего нет? Я не умею притворяться.

— Я не прошу тебя притворяться. Я прошу тебя просто... быть рядом.

— Быть рядом? — Он горько усмехнулся. — Это невозможно. Ты сама знаешь. Ты моя... — он запнулся, — ...ты никто. Формально. А на самом деле — ты единственное, что я чувствую.

Я встала из-за стола. Сделала шаг к нему. Он не отступил.

— Я тоже это чувствую, — сказала я. — С первой секунды, когда вошла в этот дом. Твой запах — он как наркотик. Я не могу дышать без него.

— Запах? — Он нахмурился. — Ты всё время говоришь о запахе. Что ты имеешь в виду?

— Холодный табак. — Я посмотрела ему в глаза. — От тебя пахнет холодным табаком. Не куревом — а именно табаком. Сухим, терпким, нераскуренным. Так пах мой дедушка,

когда я была маленькой. Это запах спокойствия. Запах дома. Я искала его всю жизнь. А теперь нашла — и не могу к нему прикоснуться.

Он долго молчал. Его лицо было непроницаемым, но я видела, как под кожей ходят желваки. Потом он сказал тихо.

— Мне говорили, что я пахну табаком. Мать говорила. Она сама не курила, но любила запах. Говорила, что я родился с этим запахом. Что он — моя суть.

— Твоя мать была права.

— Она умерла. — Его голос стал жёстким. — Умерла, когда мне было четырнадцать. И с тех пор я не чувствую ничего. Кроме боли.

— Ты чувствуешь. — Я шагнула ещё ближе. Теперь нас разделяло всего полметра. — Ты просто боишься себе в этом признаться.

— Чего я боюсь?

— Любви. Счастья. Того, что кто-то узнает тебя настоящего — и не отвернётся.

Он смотрел на меня, и я видела, как в его глазах борются противоречия. А потом он поднял руку и коснулся моего лица. Легко, почти невесомо. Его пальцы скользнули по щеке, по скуле, остановились на подбородке.

— Ты сама не знаешь, во что ввязываешься, — прошептал он.

— Я знаю. Я видела тебя. Всего.

— И не испугалась?

— Нет.

Он наклонился и поцеловал меня.

Это не было похоже на тот первый поцелуй в коридоре — жадный, грубый, с привкусом железа. Этот был другим: медленным, осторожным, почти нежным. Он словно боялся, что я исчезну. Его руки легли на мою талию, притянули ближе. Я почувствовала тепло его тела, запах его кожи — холодный табак, кофе, и ещё что-то, что я не могла назвать. Что-то тёплое, живое, настоящее.

Я ответила на поцелуй. Мои пальцы запутались в его волосах, и он тихо застонал.

Это длилось, может, минуту, а может, вечность. А потом он отстранился.

— Нет, — сказал он хрипло. — Не так. Не за её спиной. Лера не заслужила этого.

— Лера... — Я выдохнула, пытаюсь вернуть себе способность мыслить. — Ты прав. Не заслужила.

— Но и без тебя я не могу. — Он провёл большим пальцем по моей щеке. — Ты как наркотик, Яна. Я подсел с первой секунды. Твой запах — нагретая медь — он преследует меня.

— Нагретая медь? — Я вспомнила дневник. Ту запись, которую сделала после нашей случайной встречи. Он сказал мне это тогда, в коридоре. Я записала и перечитывала каждую ночь.

— Да. Ты пахнешь нагретой медью. Как старые монеты. Как что-то ценное. Я никогда не встречал такого запаха. И

теперь не могу забыть.

Мы стояли друг против друга в полумраке кухни, и между нами была пропасть, которую мы не могли перейти. Лера. Дружба. Обязательства. Всё это держало нас по разные стороны.

— Что нам делать? — спросила я.

— Не знаю. — Он запустил руку в волосы, взъерошив их. — Я никогда не был в такой ситуации. Обычно я просто брал то, что хочу, и не думал о последствиях. Но с тобой я не могу так. Ты другая. Ты заслуживаешь лучшего, чем я.

— Может, мне решать, чего я заслуживаю?

— Может. — Он слабо улыбнулся. — Но сейчас ты заслуживаешь хотя бы честности. А честность в том, что я связан. Лера, её отец, мой отец, бизнес — всё это цепь, которую я не могу разорвать. По крайней мере, сейчас.

— Я не прошу тебя разрывать. Я просто хочу быть рядом.

— Рядом, — повторил он. — Это мучительно. Каждый раз, когда я вижу тебя, я хочу прикоснуться. Каждый раз, когда слышу твой голос, я хочу ответить не так, как отвечаю при Лере. Это сводит меня с ума.

— Меня тоже. Но лучше так, чем никак.

Он долго смотрел на меня. Потом взял мою руку и поднёс к губам. Поцеловал ладонь — легко, почти благоговейно.

— Хорошо, — сказал он. — Пусть будет так. Мы не переступаем черту. Но мы рядом. Насколько это возможно.

— Насколько возможно, — повторила я.

И с этого момента началась наша пытка. Сладкая, мучительная, неизбежная.

После того разговора на кухне мы оба перестали притворяться. Не то чтобы мы стали открыто проявлять чувства при Лере — нет, мы были осторожны, как шпионы на вражеской территории. Но воздух между нами изменился. Он больше не был натянутым — он был заряженным. Как небо перед грозой.

Мы не касались друг друга. Не говорили лишних слов. Но каждый раз, когда мы оказывались в одной комнате, я чувствовала его взгляд. И он чувствовал мой. Это было похоже на безмолвный диалог, который никто, кроме нас, не слышал.

Я начала вести дневник более подробно. Записывала не только запахи, но и разговоры, взгляды, прикосновения. Это помогало не сойти с ума. Это помогало разложить хаос в голове по полочкам.

«Понедельник. Давид задержался на кухне, когда Лера вышла. Ничего не сказал, просто стоял и смотрел, как я пью чай. Потом взял мою чашку и сделал глоток. Из той же стороны, где были мои губы. Ничего не сказал. Поставил чашку и ушёл. Я не могла дышать».

«Среда. Лера устроила истерику из-за того, что Давид не хочет ехать с ней на выходные к её родителям. Он стоял и молчал. Потом посмотрел на меня — всего на секунду, — и

я увидела в его глазах просьбу. Он хотел, чтобы я вмешалась. Я не вмешалась. Я вышла. Мне было стыдно».

«Четверг. Он вернулся с тренировки с разбитой губой. Лера уже спала. Я нашла его на кухне — он сидел в темноте. Села рядом. Он взял мою руку и прижал к своей груди. Я чувствовала его сердцебиение. Мы молчали. Наверное, час. А потом он встал и ушёл. Не сказал ни слова. Но мне было достаточно».

«Пятница. Лера уехала к родителям. Мы с Давидом смотрели кино. Он сел на другом конце дивана, но к середине фильма оказался рядом. Его рука лежала на спинке дивана, касаясь моих волос. Я не двигалась. Боялась спугнуть момент. Когда фильм закончился, он встал и сказал: „Спокойной ночи“. И ушёл. А я сидела и вдыхала его запах, который остался на диване».

Эти записи были моим спасением. Я перечитывала их по ночам, когда не могла уснуть, и они давали мне силы жить дальше. Ждать. Надеяться.

Однажды, в конце декабря, Давид нарушил молчание.

Лера уехала на весь день — у неё был какой-то предпраздничный шопинг с подругами. Я сидела в гостиной, рисовала эскиз для нового проекта. Давид вошёл и сел напротив. Я отложила карандаш.

— Что-то случилось?

— Нет. — Он покачал головой. — Просто хочу побыть рядом. Можно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.